

Проблема опосредования: Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, Д.Н. Узнадзе

И.В. Имедадзе

Тбилисский государственный университет имени И. Джавахишвили (ТГУ имени И. Джавахишвили),
г. Тбилиси, Грузия

ORCID: 0000-0001-6750-0104, e-mail: irimedi@yahoo.com

В статье предметом обсуждения выступают «постулат непосредственности» и задача его преодоления, конкретизированная в методологическом принципе опосредования двучленной схемы анализа. Рассматриваются и анализируются варианты решения проблемы опосредования, содержащиеся в теоретических системах Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева и Д.Н. Узнадзе. Д.Н. Узнадзе, первым обозначивший этот методологический дискурс, и А.Н. Леонтьев примерно одинаково представляли его сущность как вопрос о соотношении внутреннего (психического) и внешнего (транспсихического), при этом в качестве опосредующего их звена предлагали, соответственно, установку и деятельность. Иначе ставится вопрос в культурно-исторической теории, где опосредование есть процесс превращения «натуральных функций» в высшие психические процессы, в котором опосредующим агентом выступает «знак». В любом случае проблема опосредования предстает как основополагающая. Однако вопрос о медиаторе между психическим и непсихическим миром неотделим от психофизической проблемы, что затрудняет выход на реальный эмпирический уровень анализа. В свете некоторых соображений Д.Н. Узнадзе и определенных эмпирических данных высказывается мнение о возможности ограничения ареала действия принципа опосредования.

Ключевые слова: постулат непосредственности, принцип опосредования, Выготский, Леонтьев, Узнадзе.

Для цитаты: *Имедадзе И.В.* Проблема опосредования: Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, Д.Н. Узнадзе // Культурно-историческая психология. 2023. Том 19. № 1. С. 5–12. DOI: <https://doi.org/10.17759/chp.2023190101>

Problem of Mediating: L.S. Vygotsky, A.N. Leontiev, D.N. Uznadze

Irakli I. Imedadze

Tbilisi Javakhishvili State University, Tbilisi, Georgia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6750-0104>, e-mail: irimedi@yahoo.com

The subject of discussion in the presented article is the “immediacy postulate” and the task of overcoming it, specified in the methodological principle of mediating a two-term scheme of analysis. The options for solving the problem of mediation contained in the theoretical systems of L.S. Vygotsky, A.N. Leontiev and D.N. Uznadze are considered and analysed. D.N. Uznadze, who was the first to designate this methodological discourse, and A.N. Leontiev represented its essence approximately the same way, namely, as a question of the relationship between internal (mental) and external (transpsychic), while, as a mediating link, they proposed, respectively, the set and activity. The question is posed differently in the cultural-historical theory, where mediation is the process of transforming “natural functions” into higher mental processes, in which the “sign” acts as a mediating agent. In any case, the problem of mediation appears to be fundamental. However, the question of a mediator between the psychic and non-psychic world is inseparable from the psychophysical problem, which makes it difficult to reach the real empirical level of analysis. In the light of some considerations by D.N. Uznadze and certain empirical data, an opinion is expressed about the possibility of limiting the area of action of the principle of mediation.

Keywords: Immediacy postulate, principle of mediation, Vygotsky, Leontiev, Uznadze.

Понятие «постулат непосредственности», как методологический принцип и главная («роковая») ошибка всей предшествующей психологии, было внесено в методологический корпус психологической науки Д.Н. Узнадзе. Его смысл «...заключается в том, будто объективная действительность непосредственно и сразу влияет на сознательную психику и в этой непосредственной связи определяет ее деятельность» [18; с. 158]. Методологическая задача его преодоления достаточно долго оставалась достоянием только грузинской школы психологии. Даже советские коллеги на него обращали мало внимания. Ситуация заметно изменилась после выхода в свет этапной книги А.Н. Леонтьева: «Деятельность. Сознание. Личность», в которой основательно обсуждается вопрос о необходимости разработки теории в направлении выявления опосредующего звена между внешним воздействием и внутренними состояниями субъекта [15]. Грузинскими коллегами этот призыв наиболее авторитетного психолога страны был воспринят с большим интересом и энтузиазмом, ибо тем самым открывался прямой путь к диалогу между двумя ведущими научными школами советской психологии. Это и последующее блестящее исследование А.Г. Асмолова [1] дало толчок к весьма продолжительной интеллектуально и личностно насыщенной дискуссии, о которой и поныне с удовольствием вспоминают оставшиеся ее участники [13]. Проблематика, связанная с постулатом непосредственности, сразу оказалась в фокусе внимания. Задача его преодоления была обозначена А.Г. Асмоловым как «задача Узнадзе» и получила очень высокую оценку: «Быть может, некоторые другие идеи Д.Н. Узнадзе подвергнутся пересмотру, ибо это нормальная судьба всех живых теорий, но анализ постулата непосредственности и его роковых для психологии последствий, венчающая этот анализ идея опосредования двучленной схемы анализа через “подпсихическое” останутся непреходящей ценностью психологической науки, ее фундаментальной идеей» [1; с. 17]. По мере нарастающего интереса к творчеству Л.С. Выготского появились утверждения о том, что Д.Н. Узнадзе, Л.С. Выготский и А.Н. Леонтьев в своих теоретических системах решали данную, по существу одинаковую методологическую задачу, но разными способами.

Речь идет о принципиальном вопросе определения методологического статуса популярнейших концепций и оценки степени их родственности. А это очень важно, хотя бы с точки зрения истории науки. Плодотворность такого исследования прежде всего зависит от точного и однозначного понимания смысла «задачи Узнадзе». Любопытно, что два исследователя, А.Г. Асмолов и М.Г. Ярошевский, взявшиеся за сопоставление методологических оснований систем Д.Н. Узнадзе и Л.С. Выготского в свете решения ими вопроса

опосредования, трактуют его по-разному и приходят к различным выводам. М.Г. Ярошевский полагает, что Л.С. Выготский склоняется к «знаковому» опосредованию, А.Г. Асмолов — к деятельностному.

Вместе с тем утверждается, что Л.С. Выготский и Д.Н. Узнадзе «...разрушили постулат непосредственности, преодолев и позитивистскую трактовку научного познания и принцип «замкнутого каузального ряда» [24; с. 286]. При этом отмечается, что эти авторы ставили и решали задачу опосредования, как в плане методологии (философии), так в плане научном (эмпирическом). В философско-онтологическом плане отрицание постулата непосредственности побудило обоих ученых отказаться от отождествления психики и сознания и обратиться к изучению «бессознательного как измерения человеческой (а не животной) психики и как психологического (а не чисто физиологического) регулятора поведения» [24; с. 297]. Данная оценка нуждается в серьезных уточнениях. Л.С. Выготский определенно не успел «...обратиться к изучению “бессознательного”». В его работах “присутствуют лишь единичные и не очень ясные указания на то, как следует понимать бессознательное <...> их явно недостаточно для развертки теории бессознательного с точки зрения культурно-исторической психологии» (8; с. 102). Природа и функции бессознательного психического остаются не раскрытыми [14], поэтому задача опосредования к нему привести не могла.

Что касается Д.Н. Узнадзе, то установка всегда мыслилась как универсальный механизм опосредования психической активности любого измерения — как человеческого, так и животного. Она же, на самом конечном этапе развития концепции, характеризовалась как явление бессознательно-психическое. Все остальное время Д.Н. Узнадзе отождествлял психику и сознание и отвергал существование бессознательной психики. Разрабатывать же свою систему Дмитрий Николаевич принял значительно раньше, уже четко понимая все сложности связанные с принципом непосредственности, хотя содержание и название соответствующего постулата было оформлено много позже. Следовательно, отказ от данного постулата сам по себе не привел Д.Н. Узнадзе к идее бессознательной психики, а привел к идее «биосферы». Это идея философско-онтологического уровня в духе «онтологического плюрализма», имеющая в виду постулирование некой «до сих пор неведомой» реальности, в которой снято противопоставление субъекта и объекта, и тем самым опосредующая их взаимоотношение [20].

Знаменательно, что с самого начала постановка вопроса о постулате непосредственности тесно увязывается с *психофизической проблемой*, без решения которой, по убеждению автора, невозможно постро-

ение психологической теории. «Задача Узнадзе» заключается в том, чтобы найти звено, являющееся медиатором между средой и психической жизнью. Это можно выразить в виду трехчленной системы анализа: среда—субъект (установка)—поведение (деятельность). Однако постулат непосредственности имеет в виду не только связь между внешним и внутренним (психическим), но и связь между самими явлениями психического мира. В оптике психофизической проблемы первый вариант увязывается с теорией взаимодействия, второй — с теорией параллелизма. Однако «...мысль о непосредственном характере связи между этими явлениями в обеих теориях является догматически принятым постулатом» [18; с. 161].

В дальнейшем «биосфера» была заменена термин «установка», что знаменовало акцентирование научно-эмпирического уровня анализа. Но в методологическом плане его содержание почти два десятилетия оставалось прежним. Говоря об установке в обобщающей работе начала сороковых, в которой впервые был четко сформулирован постулат непосредственности, Д.Н. Узнадзе характеризует ее как специфическую, своеобразную реальность, «...которая предшествует частному — психическому и физиологическому — и не сводится к ним» [21; с. 191].

Согласно Л.С. Выготскому, место опосредующего фактора отводится знаку [6; 7]. Если представить несостоявшийся диалог между ними, то Д.Н. Узнадзе, наверное, спросил бы: а разве знак не объективное, не внешнее? Получается, что внешнее опосредуется внешним?! На это Л.С. Выготский, вероятно, ответил бы, что это внешнее другого рода — не природное, а историческое, социальное. Соответственно и психика двояка — натуральная и знаково преобразованная (так называемые «высшие психические функции»). «Натуральные» (первичные) психические функции по своему характеру являются *непосредственными и произвольными*, напрямую обуславливаясь биологическими и средовыми факторами. Д.Н. Узнадзе, очевидно, не принял бы такую постановку вопроса, поскольку искал универсальный механизм опосредования, работающий на всех уровнях психической жизни. На высших уровнях человеческой психики к установочному механизму подключается механизм объективации, внося в него социальное содержание, в том числе и знаковое. Однако первичная природа опосредующего начала (механизма) остается той же, «биосферной», она продолжает быть «принципом жизни». Натуральные психические процессы, хоть и произвольны, но скроенное из них поведение тоже нуждается в опосредовании, как и любое переживание.

Можно, наверное, задаться вопросом: ставил ли вообще Л.С. Выготский задачу преодоления «постулата непосредственности» в том понимании, как она формулируется Д.Н. Узнадзе? Последний всегда вопрос о соотношении субъекта и объекта¹. А опосредование в культурно-исторической теории, в сущности, — это

вопрос о формировании высших психических функций. Опосредуясь знаково-социально, натуральные функции приобретают произвольный характер — а это уже совсем другая тема, тема генезиса психических функций и их перехода с одной формы регуляции на другую [6]. Это — во-первых. Во-вторых, автором теории установки проблема опосредования рассматривается в соотношении со всей психической жизнью, а не только с *психическими процессами* или даже *сознанием* в целом. С самого же начала данный методологический дискурс задавался в отношении любой разновидности психической активности, в том числе в отношении поведения животных и произвольных, импульсивных форм поведения человека (разве что за исключением рефлекторных форм реагирования). Исходя из этого, не следует отождествлять *опосредованность и произвольность*, а именно так по существу поступает В.П. Зинченко [9]. Стремясь реабилитировать непосредственность, выражающуюся в форме спонтанности актов творчества, интуиции, непосредственного усмотрения и т. д., автор ставит под сомнение универсальность *постулата опосредования*, который, по его словам, фактически утвердили Д.Н. Узнадзе и А.Н. Леонтьев. По его же мнению, в пользу данного методологического принципа служит и то, что на идее опосредования зиждется культурно-историческая психология в версии Л.С. Выготского. Отсюда ясно, что главным ориентиром для В.П. Зинченко, во всяком в отношении проблемы опосредования, является не теория деятельности и уж тем более теория установки, а культурно-историческая концепция. И это, в общем-то, понятно, поскольку его собственный анализ строится главным образом на характеристиках протекания и генезиса психических процессов и явлений сознания. Вот тут-то и обнаруживается коренное расхождение между трактовками проблемы Д.Н. Узнадзе и В.П. Зинченко. Д.Н. Узнадзе стремится понять, какова истинная природа воздействия внешнего мира на психику и поведение, а также воздействия друг на друга явлений сознания. Для В.П. Зинченко вопрос о непосредственности или опосредовании есть вопрос о том, как проявляются, в какой феноменологической форме представлены те или иные психические процессы и как они формируются. Поэтому он постоянно соскальзывает на оптику произвольности—непроизвольности, хотя и специально отмечает, что опосредованное и непосредственное лишь частично совпадают с произвольностью и непроизвольностью. В общем: для Д.Н. Узнадзе — вся психика и деятельность, для В.П. Зинченко — психический процесс. Д.Н. Узнадзе — через биосферную реальность к целостному субъекту поведения, В.П. Зинченко — к культурно-знаковому опосредованию. Повторимся, В.П. Зинченко ориентирован на культурно-историческую концепцию Л.С. Выготского, а не на А.Н. Леонтьевский вариант теории деятельности, которые,

¹ Тут можно обнаружить сходство с субъектно-деятельностным подходом, в особенности с идеями А.В. Брушлинского по поводу проблемы опосредования [5].

несмотря на «общий генотип», все же, представляя собой достаточно различные и самостоятельные теоретические системы².

Согласно В.П. Зинченко, «...опосредование психики в самом общем смысле означает включенность всех психических актов (процессов, функций, функциональных органов — новообразований, персональных конструкторов и пр.) в культурный контекст жизни и деятельности индивида» [9, с. 6]. Если это означает, что деятельность попросту складывается из различных функций, то теряется смысл самого понятия опосредования. Оно предполагает существование чего-то, что находится между двумя явлениями, служа медиатором их связи. Теряется и разница между опосредованным и непосредственным, ведь непосредственная деятельность тоже включает в себя различные функции — не может же она быть пустой! Непонятно также, средствами чего (какого опосредования) являются орудия, знаки и т. д.? «В более узком смысле, — пишет автор, — опосредование состоит в том, что все психические акты опосредуют друг друга. Каждый испытывает на себе влияние других, поэтому выделение какого-либо одного из них в сколько-нибудь чистом виде представляет собой почти неразрешимую проблему для экспериментальной психологии» [там же]. Да, несомненно, взаимовлияние и взаимопроникновение психических процессов очень важный психологический факт, но причем тут опосредование? И как отличить тогда опосредованный от непосредственного, ведь взаимовлияние вроде бы имеет место всегда и везде. В общем, можно констатировать, что, несмотря на многие интересные соображения, данное исследование маститого ученого не достигает цели, поскольку опровержение принципа опосредования строится преимущественно на не совсем корректном его истолковании. Тем не менее, мы готовы поддерживать само стремление автора воспротивиться гипертрофии идеологии опосредования, но на других основаниях, о чем будет сказано в конце.

Раз речь зашла о неверном понимании вопроса, приходится вспомнить уже упомянутое исследование М.Г. Ярошевского, попытавшегося навести мосты между культурно-исторической концепцией и теорией установки на основании реализуемого в них принципа опосредования. Рассуждая об общих корнях данных психологических систем, автор приходит к заключению о том, что Д.Н. Узнадзе и Л.С. Выготский, разрабатывая альтернативу постулату непосредственности, «...нашли ее в философии диалектического материализма. Эта философия стала для них компасом в поисках новой психологии» [24, с. 291]. Для Л.С. Выготского возможно так и есть,

но в отношении Д.Н. Узнадзе данное утверждение определенно неверно. Какой же это «диамаст», если исходно свою психологию он строит на новой «до сих пор неведомой» онтологии, на «психофизически нейтральной» «подпсихической» действительности, наводящей ужас на любого правоверного маркиста-ленинца. Да и установка, которая характеризуется как специфическая и своеобразная реальность, в корне отличающаяся от частных психических и физиологических процессов, едва ли гармонирует с основами «диамата»³.

В школе А.Н. Леонтьева проблема опосредования нашла систематическую и глубокую разработку в работах А.Г. Асмолова. Теории Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева и Д.Н. Узнадзе он относит к так называемой «неклассической психологии», полагая при этом, что «...принципиальная новизна этих различных направлений методологии состоит в прорыве за границы постулата непосредственности и поиске того опосредующего звена, которое, порождая психические явления, само к сфере психического не принадлежит» [2; с. 446]. В месте с тем в контексте разграничения классической и неклассической психологии говорится о едином направлении Выготского—Леонтьева. То же находим у Е.Е. Соколовой [17]. «Д.Н. Узнадзе и ведущие представители теории деятельности <...> решали общую задачу — задачу преодоления постулата непосредственности и вытекающей из него двучленной схемы анализа психических процессов: воздействие объекта — изменение текущих состояний субъекта. В одном случае в качестве среднего звена — субстанции, порождающей психические явления, — предлагается «подпсихическое» — первичная установка, в другом — предметная деятельность. Общность задачи, а также признаков опосредующей субстанции дают право на сопоставление этих вариантов ее решения. В том случае, если понятие первичной установки наделяется признаками опосредующей субстанции, оно альтернативно категории деятельности, т. е. Д.Н. Узнадзе и А.Н. Леонтьев предлагают прямо противоположные варианты решения задачи о преодолении постулата непосредственности [1; с. 24].

Опираясь преимущественно на ранние работы Д.Н. Узнадзе, А.Г. Асмолов формулирует требования к опосредующей инстанции: она не должна быть ни исключительно физическим, ни психическим явлением; она должна быть трансформатором, «переводчиком» событий во внешнем мире в психические явления и обуславливать их; она должна быть целостной, не разложимой на элементы; только через нее должно осуществляться воздействие на субъективные психические явления, а также обрат-

² Этот вопрос, конечно, является всецело «внутренним делом» тех, кто предметно изучает данные теоретические системы. Заметим лишь, что в грузинской психологической школе всегда превалировало мнение, что различие между ними достаточно четко обозначено в их названиях.

³ Не вдаваясь в соответствующую аргументацию, сошлемся на мнение историка психологии, который специально занимался данным вопросом: «история психологии установки <...> позволяет обойти тему марксизма вполне естественным образом: и по своему происхождению <...> и содержательно это направление возникло и достаточно долго развивалось безотносительно к марксизму, было в относительной независимости от марксизма» [3; с. 133].

ное воздействие психического на физиологическое; эта «субстанция» является необходимым условием поддержания жизнедеятельности индивида, «принципом жизни»; она всегда должна предшествовать и определять сознательную психику развивающуюся на ее основе [1].

Поскольку понятия первичной установки и деятельности считаются альтернативными с точки зрения проблемы опосредования, то очевидно предполагается, что этими признаками обладает деятельность, которая, согласно А.Н. Леонтьеву, мыслится в качестве искомого опосредователя. В этом контексте важнейшим становится следующий тезис: «Для того, чтобы изучить мир психических явлений, нужно выйти за их пределы и найти такую единицу анализа психического, которая сама бы к сфере психического не принадлежала» [2; с. 395]. Стало быть, коль скоро деятельность рассматривается в качестве такой единицы, выступающей в роли опосредующего звена, то она не должна принадлежать к кругу психических явлений.

И тут возникают вопросы ставшие предметом обсуждения в ходе отмеченной дискуссии. Не раз высказывалась мысль, что деятельность не может служить опосредующим звеном, в сущности, по той же причине, что и психическая установка. Дело в том, что деятельность как явление не существует без и вне внутреннего, психического начала и содержания. Согласно А.Н. Леонтьеву, «...деятельность составляет субстанцию сознания» [15, с. 157], т. е. психика и деятельность онтологически тождественны, психика неотделима от деятельности являясь ее существенным, неотъемлемым свойством [17]. А наполненная внутренним содержанием деятельность, деятельность как проявление психической жизни, естественно, не годится на роль посредника между внутренним и внешним, субъективным и объективным. С учетом этого очевидного обстоятельства высказывается мнение о том, что рассматриваемая в ракурсе вопроса преодоления постулата непосредственности категория деятельности выступает как объяснительный принцип, а не как реальное явление. В этом случае оно предстает как «субстанция», не имеющая ни физических, ни психических характеристик [2]. Однако такой методологический ход на самом деле ничего не объясняет. В каком бы статусе ни выступала деятельность — объяснительным принципом или реальным явлением, оно не сможет выполнять роль опосредующей инстанции, поскольку полностью насыщена психическим содержанием (если, конечно, она не понимается в бихевиористическом смысле). Явление/понятие, рассматриваемое с точки зрения объяснительного принципа, не должно лишиться своего атрибутивного признака, иначе получим другое понятие. Для деятельности таким признаком, несомненно, является *психичность*.

Лейтмотивом отмеченной дискуссии между представителями школы А.Н. Леонтьева и Д.Н. Узнадзе был вопрос о первичности деятельности или установки. Поскольку не существует бессубъектной деятельности, а установка, в понимании школы Д.Н. Узнадзе, есть состояние субъекта, то вопрос о

первичности приобретает черты диллемы «курицы и яйца». Поэтому, в принципе, можно сформулировать следующее положение: усматривать опосредующую инстанцию в установке это то же, что и в деятельности, и наоборот. Однако при этом надо будет обоим «очистить» от «психической примеси», что определенно не кажется эвристичным. В общем, следует отметить, что сказанное об «опосредующем потенциале» понятия деятельности относится и к установке, понимаемой как явление психическое. В последних работах Д.Н. Узнадзе именно так квалифицировал установку, создав тем самым апорию, которая не могла остаться незамеченной [4; 12; 16]. Не может установка, будучи чисто психическим образованием, служить опосредующим агентом между психическим и физическим миром. Это не относится к биосфере, осмысливаемой как допсихическая и определяющая психику «подпсихическая область», главной особенностью которой является отсутствие субъект-объектного противопоставления.

На втором этапе развития теории Д.Н. Узнадзе на передний план выступает ученый-эмпирик. Разработана методика и начато всестороннее изучение явления, обозначенного установкой, а не биосферой. Если последняя представлялась преимущественно как некая методологическая абстракция (принцип), установка имела вполне реальное содержание, ибо касалась *состояния субъекта*. Вначале установка понималась не как однозначно психическое явление, а скорее как явление *психофизиологическое*. Соответственно, принцип непосредственности трактуется следующим образом: «...если наши моторные или психические процессы представляются непосредственным ответом на воздействующие на них стимулы, то выходит, что взаимоотношения с действительностью устанавливает не субъект, а его психика или, в частности, его моторика, что наше поведение или переживание возникают без существенного участия субъекта и, следовательно, однозначно определяются воздействующими на них стимулами» [21; с. 187]. Так появились принцип *субъектного опосредования* и *целостный субъект* как исходная категория новой психологии. Однако это уже приходит в противоречие с изначальной постановкой вопроса об опосредовании, ведь он заключается в том, что объективное (внешнее) не может воздействовать непосредственно на субъективное (внутреннее). И как бы мы ни старались разграничить *субъектное* от *субъективного*, установочное состояние целостно-субъектного измерения от обычных психических явлений субъективного мира, оба они остаются принадлежностью внутреннего мира, на который воздействует мир внешний, а стало быть, мы остаемся в плену постулата непосредственности. Д.Н. Узнадзе, разумеется, прикладывая большие усилия, дабы не попасть в самый же расставленный «роковой» методологический капкан. Рассуждая о природе установки, он всячески пытался высветить абсолютную специфичность установки как явления, несводимого к известным феноменам психической жизни. Однако на самом

деле все попытки наполнить объективным содержанием по сути субъективное явление (т. е. установку) не достигают цели. В последней версии теории понятие *психической установки* уже явно приходит в противоречие с принципом опосредования, являющимся методологическим основанием данной концептуальной системы.

Итак, какие варианты решения проблемы опосредования предлагаются в теориях Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева и Д.Н. Узнадзе и как они друг с другом соотносятся? Решая данную задачу, Л.С. Выготский двигался в противоположном от и Д.Н. Узнадзе направлении, пытаясь найти единство внешнего и внутреннего (психического) в феномене по-сути внешнего мира, в частности в знаке. Если мы не выходим за пределы *бинарной онтологии* (внешнее—внутреннее) и признаем правомерность задачи Д.Н. Узнадзе, на самом деле остается одно из двух — приписать функцию опосредующего звена либо *объективированной субъективности* (т. е. установке — путь Узнадзе), либо — *субъективированной объективности* (т. е. знаку — путь Выготского).

Л.С. Выготский и А.Н. Леонтьев, в общем, также по-разному решали задачу опосредования двучленной схемы среда—психика (поведение). Л.С. Выготский помещал опосредующее звено в первом элементе двучленной схемы (знак, культура в целом), А.Н. Леонтьев — во втором (деятельность). Очевидно, что ни одно из этих предположений, по существу, не может считаться преодолением постулата непосредственности, впрочем, как и положение об однозначной психичности установки, высказанное в последних работах Д.Н. Узнадзе. Из всех рассмотренных вариантов решения «задачи Узнадзе» (установочное, знаковое, деятельностное и биосферное опосредование), как ни странно, логически наиболее непротиворечивым представляется последнее. Но это как раз тот случай, когда перед нами не предмет исследования, а «объяснительный принцип», философско-методологическая категория (гипотеза), которая ведет в непроходимые дебри «вечной» *психофизической проблемы*. Трудно себе представить реальную психологию, построенную на данном гипотетическом представлении. Конечно, можно попытаться обратиться к старым восточным представлениям, в которых объективное и субъективное как бы смыкаются и имеют определенные эмпирические референции в соответствующих психопрактиках. В стремлении «обновить» данную идею можно обратить взор и в сторону новых «квантовых представлений». Но не следует особо надеяться на возможность операционализировать гипотезу о психофизически нейтральной реальности в качестве основы психической жизни, которая бы поддавалась эмпирическому исследованию. Понимая это, даже сам Д.Н. Узнадзе отказался от нее.

Коль скоро, постановка вопроса преодоления постулата непосредственности обязательно ведет к психофизической проблеме и даже предполагает ее решение (с позиции плюралистской онтологии), то отталкиваясь от этого методологического принципа,

мы в любом случае оказываемся в тупике. На этом фоне естественно возникают сомнения в целесообразности возведения задачи преодоления данного постулата в ранг *основополагающего методологического принципа*. Если не ставить вопрос слишком радикально, то, по крайней мере, следует задуматься об *универсальности принципа опосредования*.

Весьма примечательно, что над этим думал сам автор термина и понятия «постулат непосредственности». В тетради для заметок, где Д.Н. Узнадзе фиксировал свои гипотетические соображения, встречается запись, сделанная в 1945 г. со следующим названием: «Рамки правомерности постулата непосредственности». В нем говорится: «Не следует полагать, что под воздействием среды у субъекта никогда не возникает ничего вне его опосредования, что все непременно опосредовано *установкой субъекта*. Думается, что в случае отсутствия потребности или возможности установления отношений со средой эта среда, возможно, все-таки действует на него, вызывая непосредственный эффект в его психике, организме, соматике. Этот эффект можно назвать рефлексом или *рефлексоидным эффектом*. Таковыми будут: ощущения — в познавательной сфере, удовольствие—неудовольствие — в эмоциональной сфере и рефлексы — в моторной сфере» [22; с. 261]. Возможно, старая психология не так уж и ошибалась, продолжает автор, утверждая, что ощущения, чувства (удовольствие—неудовольствие) и рефлексы представляют собой элементарное содержание нашей психики и поведения. Данная запись достаточно ясно указывает на стремление Д.Н. Узнадзе некоторым образом ограничить ареал действия принципа опосредования, допуская существование элементарных форм переживаний и активности, возникающих в результате непосредственной стимуляции исходящей из организма или среды. Однако весь вопрос в том, насколько далеко можно пойти по этому пути, не разрушая основополагающий принцип установочного опосредования. И как обосновать, где он работает, а где нет и почему? Например, насколько правомерно говорить о деятельностном, знаковом или установочном опосредовании в случаях, когда определенную зону мозга непосредственно стимулируют, в результате чего возникает эмоциональное *переживание* (Дж. Олдс) или тормозится *поведение* (Х. Дельгадо). В обоих случаях налицо внешнее воздействие и широко понимаемое психическое реагирование, однако между ними не просматривается, ни установок, ни деятельности субъекта, которые, согласно соответствующим теориям, должны непременно опосредовать эту связь. Психический факт, вроде бы, без всякого опосредования, прямо возникает из нейрофизиологического субстрата, и таких фактов существует достаточно.

Тут мы, пожалуй, последуем за В.П. Зинченко, завершившего свое исследование такими словами: «думаю, что пока рано подводить итоги размышлениям относительно взаимоотношений непосредственного и опосредованного. Лучше поставить многоточие...» [9; с. 10].

Литература

1. Асмолов А.Г. Деятельность и установка. М.: Изд-во Моск.ун-та, 1979. 150 с.
2. Асмолов А.Г. По ту сторону сознания. Методологические проблемы неклассической психологии. М.: Смысл, 2002. 480 с.
3. Богданчиков С.А. Школа Узнадзе в системе советской психологии // Вопросы психологии. 2014. № 3. С. 131–141.
4. Бочоршвили А.Т. Проблема бессознательного в теории установки Д.Н. Узнадзе // Вопросы психологии. 1966. № 1. С. 152–156.
5. Брушлинский А.В. Психология субъекта. М.: Институт психологии РАН, 2003. 272 с.
6. Выготский Л.С. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 3. История развития высших психических функций. М.: Педагогика, 1983. С. 6–328.
7. Выготский Л.С. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 6. Орудие и знак. М.: Педагогика, 1984. С. 6–90.
8. Завершнева Е.Ю. К определению понятия «бессознательное» в культурно-исторической психологии Л.С. Выготского // Вопросы психологии. 2017. № 3. С. 102–118.
9. Зинченко В.П. Нужно ли преодоление «постулата непосредственности»? // Вопросы психологии. 2009. № 2. С. 3–19.
10. Имедадзе И.В. Категория поведения в теории установки. Тбилиси: Мецниереба, 1991. 238 с.
11. Имедадзе И.В. Школа Узнадзе: штрихи к истории // Вопросы психологии, 2015. № 2. С. 120–130.
12. Имедадзе И.В. Онтологическая природа установки: исторический и методологический анализ. Тбилиси: Ньютон, 2019. 83 с. (На груз. яз.).
13. Имедадзе И.В. Дискуссии вокруг общепсихологической теории установки. Тбилиси: Саари, 2021. 180 с. (На груз. яз.).
14. Имедадзе И.В. Теория установки и виды бессознательной психики // Вопросы психологии, 2021. № 6. С. 13–22.
15. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1977. 304 с.
16. Сарджвеладзе Н.И. Бессознательное и установка: еще раз об онтологическом статусе неосознаваемой психической деятельности // Бессознательное: природа, функции, методы исследования. Т. 4. / Под ред. А.С. Прангшвили, А.Е. Шерозия, Ф.В. Бассина. Тбилиси: Мецниереба, 1985. С. 56–66.
17. Соколова Е.Е. Школа А.Н. Леонтьева и ее роль в развитии деятельностного подхода в психологии // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 2007. № 2. С. 80–103.
18. Узнадзе Д.Н. Психологические исследования. М.: Наука, 1966. 450 с.
19. Узнадзе Д.Н. Общая психология. М.: Смысл, 2004. 412 с.
20. Узнадзе Д.Н. Основы экспериментальной психологии: принципиальные основы и психология ощущения // Узнадзе Д.Н. Философия. Психология. Педагогика. Наука о психической жизни / Под ред. И.В. Имедадзе, Р.Т. Сакварелидзе. М.: Смысл, 2014. С. 102–162.
21. Узнадзе Д.Н. Основные положения теории установки // Узнадзе Д.Н. Философия. Психология. Педагогика. Наука о психической жизни / Под ред. И.В. Имедадзе, Р.Т. Сакварелидзе. М.: Смысл, 2014. С. 184–206.

References

1. Asmolov A.G. Deyatel'nost' i ustanovka [Activity and set]. Moscow: Publ. MGU, 1979. 150 p. (In Russ.).
2. Asmolov A.G. Po tu storonu soznaniya. Metodologicheskie problemy neklassicheskoi psikhologii [On the other side of consciousness. Methodological problems of nonclassical psychology]. Moscow: Smysl, 2002. 480 p. (In Russ.).
3. Bogdanchikov S.A. Shkola Uznadze v sisteme sovetskoj psikhologii [The school of Uznadze in the system of Soviet psychology]. *Voprosy psikhologii [Questions of psychology]*, 2014, no. 3, pp. 131–141. (In Russ.).
4. Bochorishvili A.T. Problema bessoznatel'nogo v teorii ustanovki D.N. Uznadze [The problem of unconscious in Uznadze theory of set]. *Voprosy psikhologii [Questions of psychology]*, 1966, no. 1, pp. 152–156. (In Russ.).
5. Brushlinskii A.V. Psikhologiya sub'ekta [Psychology of the subject]. Moscow: Publ. Psychological Institute of RAS, 2003. 272 p.
6. Vygotskii L.S. Sbranie sochinenii: v 6-ti t. T. 3. Istoriya razvitiya vysshikh psikhicheskikh funktsii [Collected Works: in 6 vol. Vol.3. History of the development of higher mental functions]. Moscow: Pedagogika, 1983. pp. 6–328. (In Russ.).
7. Vygotskii L.S. Sbranie sochinenii v 6-ti t. T. 6. Orudie i znak [Collected Works: in 6 vol. Vol.6.Tool and Sign]. Moscow: Pedagogika, 1984, pp. 6–90. (In Russ.).
8. Zavershneva E.Yu. K opredeleniyu ponyatiya «bessoznatel'noe» v kul'turno-istoricheskoi psikhologii L.S. Vygotskogo [On the definition of «anconscious» in cultural-historical psychology]. *Voprosy psikhologii [Questions of psychology]*, 2017, no. 3, pp. 102–118. (In Russ.).
9. Zinchenko V.P. Nuzhno li preodolenie «postulata neposredstvennosti»? [Is it necessary to overcome «immediacy postulate»?]. *Voprosy psikhologii [Questions of psychology]*, 2009, no. 2, pp. 3–19. (In Russ.).
10. Imedadze I.V. Kategoriya povedeniya v teorii ustanovki [Category of behaviour in the theory of set]. Tbilisi: Metsniereba, 1991. 238 p. (In Russ.).
11. Imedadze I.V. Shkola Uznadze: shtrikhi k istorii [Uznadze school: traits to history]. *Voprosy psikhologii [Questions of psychology]*, 2015, no. 2, pp. 120–130. (In Russ.).
12. Imedadze I.V. Ontologicheskaya priroda ustanovki: istoricheskii i metodologicheskii analiz [Ontological nature of set: historical and methodological analysis]. Tbilisi: Newton, 2019. 83 p. (In Georgian).
13. Imedadze I.V. Diskussii vokrug obshchepsikhologicheskoi teorii ustanovki [Discussions on the general psychological theory of set]. Tbilisi: Saari, 2021. 180 p. (In Georgian).
14. Imedadze I.V. Teoriya ustanovki i vidy bessoznatel'noi psikhiki [Theory of set and types of unconscious psychics]. *Voprosy psikhologii [Questions of psychology]*, 2021, no. 6, pp. 13–22. (In Russ.).
15. Leont'ev A.N. Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost' [Activity. Consciousness. Personality]. Moscow: Politizdat, 1977. 304 p. (In Russ.).
16. Sardzhveladze N.I. Bessoznatel'noe i ustanovka: eshche raz ob ontologicheskom statuse neosoznavaemoi psikhicheskoi deyatel'nosti [The unconscious and set: again on the ontological status of unconscious psychical activity]. In A.S. Prangishvili (eds.) *Bessoznatel'noe: priroda, funktsii, metody issledovaniya. T. 4 [The unconscious: Nature. Functions. Methods of Study]*. Tbilisi: Metsniereba, 1985. Vol. 4, pp. 56–66. (In Russ.).
17. Sokolova E.E. Shkola A.N. Leont'eva i ee rol' v razvitiu deyatel'nostnogo podkhoda v psikhologii [The school of Leont'eva and her role in the development of the activity approach in psychology].

22. Узнадзе Д.Н. Тетради для заметок // Д.Н. Узнадзе. *Философия. Психология. Педагогика. Наука о психической жизни* / Под ред. И.В. Имедадзе, Р.Т. Сакварелидзе. М.: Смысл, 2014. С. 250–265.
23. Харламенкова Н.Е. Проблема опосредствования в истории и теории психологии // Психологический журнал. 2009. № 2. С. 41–51.
24. Ярошевский М.Г. Д.Н. Узнадзе и Л.С. Выготский: к критике постулата непосредственности // Теория установки и актуальные проблемы психологии. Тбилиси: Мецниереба, 1990. С. 281–302.
- of A.N. Leontiev and its role in the development of activity approach in psychology]. *Vestnik Mosk. Unta. Psichologia [The Bulletin of the Moscow State University. Psychology]*, 2007, no. 2, pp. 80–103. (In Russ.).
18. Uznadze D.N. *Psikhologicheskie issleodovaniya [Psychological researches]*. Moscow: Nauka, 1966. 451 p. (In Russ.).
19. Uznadze D.N. *Obshchaya psikhologiya [General psychology]*. Moscow: Smysl, 2004. 412 p. (In Russ.).
20. Uznadze D.N. *Osnovy eksperimental'noi psikhologii: printsipial'nye osnovy i psikhologiya oshchushcheniya [Foundations of experimental psychology: principal basics and psychology of sensation]*. In I.V. Imedadze (eds.) *Uznadze D.N. Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika. Nauka o psikhicheskoi zhizni [D.N. Uznadze. Philosophy. Psychology. Pedagogics]*. Moscow: Smysl, 2013, pp. 102–162. (In Russ.).
21. Uznadze D.N. *Osnovnye polozheniya teorii ustanovki [Basic statements of theory of set]*. In I.V. Imedadze (eds.) *Uznadze D.N. Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika. Nauka o psikhicheskoi zhizni [D.N. Uznadze. Philosophy. Psychology. Pedagogics]*. Moscow: Smysl, 2013, pp. 102–162. (In Russ.).
22. Uznadze D.N. *Tetradi dlya zametok [Copybooks for notes]*. In I.V. Imedadze (eds.) *Uznadze D.N. Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika. Nauka o psikhicheskoi zhizni [D.N. Uznadze. Philosophy. Psychology. Pedagogics]*. Moscow: Smysl, 2013, pp. 250–265. (In Russ.).
23. Kharlamenkova N.E. *Problema oposredstvovaniya v istorii i teorii psikhologii [Mediation problem in the history and theory of psychology]*. *Psikhologicheskii zhurnal [Psychological journal]*, 2009, no. 2, pp. 41–51. (In Russ.).
24. Yaroshevskii M.G. D.N. Uznadze i L.S. Vygotskii: k kritike postulata neposredstvennosti [D.N. Uznadze and L.S. Vygotski: For criticism of the immediacy postulate]. *Teoriya ustanovki i aktual'nye problemy psikhologii [Set theory and actual problems of psychology]*. Tbilisi: Metsniereba, 1981, pp. 281–302.

Информация об авторах

Имедадзе Ираклий Владленович, доктор психологических наук, профессор факультета психологии и образования, Тбилисский государственный университет имени И. Джавахишвили (ТГУ имени И. Джавахишвили); Член-корреспондент, Национальная академия наук Грузии, г. Тбилиси, Грузия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6750-0104>, e-mail: irimedi@yahoo.com

Information about the authors

Imedadze Irakli Vladlenovich, PhD in Psychology, Professor, Tbilisi Javakhishvili State University, Corresponding Member of the Georgian National Academy of Sciences, Tbilisi, Georgia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6750-0104>, e-mail: irimedi@yahoo.com

Получена 19.12.2022
Принята в печать 21.03.2023

Received 19.12.2022
Accepted 21.03.2023